

Н. СОБАКАРЬ



Код УБИЙСТВА

ГАРАНИНА / БЕРКУТ #1

Наталья Собакаръ

Код убийства

«Автор»

2023

Собакарь Н.

Код убийства / Н. Собакарь — «Автор», 2023

Создатель компьютерной программы Эрик Чернов молод, красив, талантлив и скоро будет очень богат. Но почему-то ему не везет с девушками. Две предыдущие погибли, а над третьей, журналисткой Варварой Гараниной, нависла угроза. Сотрудник уголовного розыска Андрей Беркут убежден, что Чернов – убийца, но не может этого доказать. Варвара уверена в невиновности любимого. Кто из них окажется прав?

© Собакарь Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Собакарь

Код убийства

Глава 1

– Гаранина, ты спишь, что ли? – раздался в трубке сердитый голос.

Варвара посмотрела на часы.

– Половина седьмого, – простила она. – Буханова, это слишком даже для тебя.

– Ты собираешься покупать альбом Моне или нет?

– Собираюсь, но это не срочно.

– У меня подруга Алиса в издательстве, которое его выпустило. Я ей насчет тебя шепнула.

Она обещала скидочную карту.

– М-м-м. – Это все, на что была способна Варвара.

– Короче, Гаранина, жди ее без пяти десять у входа. Прямо там, в магазине при издательстве, возьмешь Моне и вернешь карту. Ход действий поняла?

– Поняла. Дай поспать.

– У тебя еще два текста не сданы.

– Я обещала вечером. Он еще не наступил.

– Как главный редактор, я выражаю свою глубокую озабоченность.

– Выразила? Теперь дай поспать.

Но поспать у Варвары Гараниной не получалось каждый раз, когда ей звонила одноклассница, однокашница, а ныне сослуживица и начальница Буханова.

Они встретились во втором классе, когда учительница представила насупленную новенькую. Когда она спросила девочку, как ту зовут, она ответила «Буханова». Фамилия была смешная, и класс, как водится, заржал. Тогда Варвара крикнула с места «А я Гаранина. Буханова, садись со мной», и та села за парту рядом.

Потом выяснилось, что обеих зовут Варварами, и потому, чтобы не путаться, они продолжили называть друг друга по фамилии.

Первым делом Варвара поставила чайник. Кофе утром – это не роскошь, а способ проснуться. Бабушка говорит, что нужно есть кашу. Вот пусть она сама ее и ест. Пара бутербродов, чтобы в животе не урчало и вперед, к ленте новостей.

Уже начало десятого? До издательства минут тридцать на метро или сорок пешком. Логистика центра Москвы всегда была странной, и на транспорте получалось не намного быстрее, чем через дворы пешком.

Спросите хоть у революционеров, которые бегали от царской охраны.

Схватив рюкзак, Гаранина вышла на улицу, вдохнула городской парфюм, состоящий из запаха подстриженной травы и выхлопа автомобилей, и направилась на встречу со скидочной картой.

Вообще-то, Буханова права: на покупку нынешних книг никакой зарплаты не хватит, так что с картой она здорово придумала. Подруга любила сводить незнакомых людей, из которых у одного была проблема, а у другого решение. Даже если Буханова не давала спать по утрам, на нее можно было ворчать, но невозможно сердиться.

Варвара узнала Алису сразу. Худая, тонкококстная, одетая с тем шиком, что выдавал принадлежность к старой семье из союза композиторов или художников. Алиса, увидев ее, тоже улыбнулась и кивнула. Они, несомненно, виделись раньше, но обе не помнили, где.

– Варвара?

– Пытаюсь вспомнить, где мы встречались, – отозвалась Гаранина. – На дне рождения Бухановой?

– Наверняка. Как она?

– Не меняется.

– Ну, хоть что-то в этом мире постоянно.

Обе улыбнулись. Алиса достала карту и протянула Варваре, указав на пластиковую дверь рядом с массивной деревянной.

– Вход в магазин. Рядом дверь в издательство. Можешь оставить карту у администратора на входе, я потом заберу.

– Спасибо, ты меня очень выручила. Бабушка давно мечтает об этом альбоме Моне.

– Слушай, а не у тебя бабушка театральный критик?

– У меня. Белла Барановская.

– Значит, я правильно помню. Если что, за билетами можно будет обратиться?

– За Моне бабушка все сделает. Если вы еще Ренуара издадите, она для вас подкоп в директорские логи пророе.

– Ренуар у нас в следующем году в плане стоит. Пока непонятно, как с бумагой будет, но постараемся.

– Отлично! Слушай, ты извини, что я уставилась. – Варвара смотрела на портфель в руках Алисы. – Обожаю такие вещи. Можно узнать откуда?

Алиса приподняла портфель повыше, чтобы показать искусно расписанную затейливую арабскую вязь. Гаранина провела пальцем по ребристой поверхности.

– Это партнеры из Дубая подарили моему парню, – пояснила Алиса.

– И он тебе просто так отдал? Без драки? – В голосе Гараниной звучало недоверие.

– Только потому, что ему подарили два одинаковых, – засмеялась Алиса. – Один он отдал мне.

– Везет же некоторым, – вздохнула Варвара. – Не буду тебя задерживать. Еще раз спасибо. Карту сразу занесу.

Они разошлись каждая в свою дверь. Было всего лишь две минуты одиннадцатого, и Варвара была первой покупательницей в магазине. Она кивнула продавщице и прошла в отдел живописи. Вот он, Моне, с толстыми страницами и гладкими иллюстрациями. Это она берет. Рядом стоял альбом Дега.

Я только одним глазком, пообещала себе Варвара. Я не собираюсь его покупать. Хотя, в следующий раз такой большой скидки не будет...

Варвара уже видела бабушку Беллу, обнимающую альбом желтыми от непрерывного курения пальцами. (Где вы видели некурящего театрального критика?)

Но ведь можно взять Дега, скажем, для подарка на новый год...

* * *

Женя Рыбкин хотел рвануть через дорогу на красный, как это принято в его родном Саратове, но все вокруг терпеливо стояли и ждали зеленого. Станные у них в Москве привычки. Машин же нет, но вот, стоят. Женя сверился с картой в телефоне и через несколько минут был у цели.

Издательство «Альтаир» было создано в начале тридцатых годов прошлого века, то есть, был достаточно старым, чтобы помнить бумажные рукописи, напечатанные на машинке с замазанными белым ошибками.

Женя уже собирался потянуть на себя массивную дубовую дверь, но тут его внимание привлекли крики. Он обернулся и увидел группу китайских туристов.

Человек двадцать направлялись в кафе на другой стороне улицы, наполняя тишину переулка резкими гортанными звуками чужого языка. Добавив к бесчисленным селфи на телефонах еще десяток, они вошли внутрь.

Жене показалось, что у двери кафе, мелькнул человек, похожий на Гену Фомина, одного из его сокурсников по семинару писателей. Двадцатилетнему Рыбкину Фомин казался пожилым, пожившим и многое повидавшим мастером. На самом деле тому было около сорока, и в среде писателей он все еще числился молодым и подающим надежды.

Первое, что увидел Женя войдя в коридор издательства, было огромное звездное небо, нарисованное на потолке. Оно было ограничено со всех сторон затейливой лепниной. Несмотря на многочисленные исторические пертурбации, которые пережило здание, лепнина полностью сохранилась.

Недавняя реставрация освежила помещение, которое до того, как стать магазином, было школой для неграмотных, а еще раньше, до революции, карточным клубом.

– Здравствуйте. – Сидящая у входа молодая девушка с косой приветствовала его. – Чем вам помочь?

– Я Космонавт три тысячи, – ответил Женя.

– Что, простите? – не поняла девушка.

– Я по поводу конкурса. Одна страница о Москве.

– Да-да, конечно. – Девушка подняла трубку. – Алиса? О, извините, Владлен Мартынович. Алисы еще нет? Тут к ней посетитель. Космонавт... извините, сколько тысяч вы сказали?

– Три.

– Космонавт три тысячи. – Она положила трубку. – Алиса Феденко, наш старший редактор, скоро будет. Присаживайтесь пока. – Девушка указала на ряд стульев у стены.

Вскоре в здание вошла хрупкая молодая женщина с портфелем в руках. У нее были темные, уложенные в простую прическу волосы и губы, едва тронутые помадой.

– Привет, Алиса. – Девушка указала на Женю. – Космонавт три тысячи тебя ждет.

Женя поднялся со стула.

– Я Женя, Евгений Рыбкин, – сказал он, проглотив ком в горле. – Писатель.

– Очень приятно, – отозвалась она мягким голосом. – Меня зовут Алиса Феденко. Я старший редактор издательства и главный организатор конкурса.

Она протянула ему тонкую почти прозрачную руку, которую он осторожно пожал. Они прошли по коридору, который упирался в дверь просторного кабинета. В нем потягивал утренний кофе грузный пожилой мужчина с печатью вечного недовольства на лице.

– Входите, Женя, – пригласила Алиса гостя. – Это Евгений Рыбкин, автор рассказа-победителя нашего конкурса. А это Владлен Мартынович Шумский, заместитель главного редактора и шеф отдела новых проектов.

– Поздравляю, молодой человек, – бросил Шумский и тут же забыл о нем. – Ты видела список бестселлеров прошлой недели?

– Нет еще.

– У меня создается ощущение, что народ выбирает книги с закрытыми глазами. Как это вообще можно читать?

– Давайте поговорим о наших делах позже, – деликатно предложила Алиса, кладя портфель на угол стола. – Присаживайтесь, Женя. Сначала о доказательстве авторства. По нашим правилам, послав нам напечатанный лист с вашим рассказом, вторую копию вы должны были послать себе в тот же день. Этот нераспечатанный конверт с почтовым штампом и служит доказательством вашего авторства.

Женя полез в сумку, достал конверт и протянул его Алисе.

– Я еще ноутбук принес на всякий случай, чтобы вы видели дату создания файла.

– В этом нет необходимости. Конверта вполне достаточно.

Алиса вскрыла конверт и достала сложенную страницу, подписанную корявой полудетской подписью. Другую страницу она достала из файла, лежавшего на столе, и положила их рядом. Пробежав взглядом по обеим, она удовлетворенно кивнула.

– Все в порядке. Поздравляю вас с победой в нашем конкурсе.

– Спасибо. – Женя расплылся в улыбке. – Честно говоря, я не ожидал.

Ему хотелось сказать что-то красивое и значительное, как это положено у писателей, но он не нашел слов.

– Сами вы откуда будете? – присоединился к беседе Шумский.

– Из Саратова.

– Далековато занесло, – покачал он головой. – Стало быть, однажды вы решили стать писателем и поехали в Москву. Или наоборот? Приехали в Москву и решили стать писателем?

– Я всегда рассказывал истории. С самого детства. Пацанам во дворе, одноклассникам на перемене, всем, кто хотел слушать, – ответил Женя. – Мама говорила, что надо сначала профессию получить. Писанина много денег не приносит. В чем-то она права, конечно. Надо самому зарабатывать на жизнь. Только почему не книгами? Многие люди пишут книги и получают за это деньги. Я и подумал, чем я хуже? Я тоже так могу.

– Что ж, я очень рада, что наш конкурс поможет вам сделать первые шаги. – Алиса взяла из стопки конверт и достала из него приглашение. – В пятницу у нас будет небольшой прием. Официальная церемония и вручение дипломов и конвертов с денежными призами.

– Первые деньги, которые я заработал как писатель. – Радостная улыбка Жени стала еще шире. – Круто!

– В нашем деле деньги не так важны, как связи, – назидательно сказала Алиса. – На приеме будут очень влиятельные люди. Я вас им представлю.

Улыбка сползла с лица писателя.

– Я не очень это умею, – заерзал он. – Связи там, руки жать, комплименты говорить. Может не надо?

– Вы быстро научитесь. – Тон Алисы не допускал возражений. – Сколько человек вы планируете пригласить на церемонию?

– Тетю Лену и еще Егора, брата. Он мне помог с идеей для рассказа. Хотя, он не любит, когда много новых людей, может испугаться и будет приступ. Лучше только тетю Лену.

Алиса взяла перьевую ручку и мелким каллиграфическим почерком написала на приглашении «Евгений Рыбкин + 1». Пока она писала, а Женя замороженный следил, как золотое перо скользит по бумаге, в коридоре раздался шум.

– Что там еще такое? – Шумский поднялся со своего места.

В дверях показалась девушка с косой, которую Женя видел у входа. Она открывала и закрывала рот, но звуков не издавала. За ней шел худощавый мужчина с бородкой и обиженным лицом. Со стороны казалось, что он толкает ее перед собой.

– Гена? – узнал его Женя. – Я тебя в кафе видел. Сначала думал, что обознался, а это все-таки ты. Тоже за призом?

– Я отказываюсь работать в таких условиях! – вспыхнул Шумский. Наконец, он нашел человека, виноватого в том, что у него не задалось утро, а возможно, и вся жизнь. – Я же просил, Анечка, – буравил он взглядом девушку с косой, – не впускать сюда посторонних. На каком основании вы позволили ему войти?

Фомин толкнул девушку в комнату, и открылась причина, по которой она не смогла отказать ему.

В руках у него был пистолет.

Алиса вскрикнула. Шумский побледнел и отступил назад, а Женя Рыбкин шагнул вперед и встал прямо перед Фоминым, прикрывая собой женщин.

– Э, мужик, ты чего? – сказал Рыбкин тоном дворового задиры. – Ты зачем ствол достал?

– Заткнись! – заорал Фомин. – Идиот. Чертов гопник.

– Тебе гопники не нравятся? Мне тоже. – Женя был спокоен. – Они никому не нравятся. Давай выйдем на улицу и поговорим об этом. Спокойно разберемся, как мужик с мужиком. – Он медленно продвигался вперед, раскачиваясь из стороны в сторону.

Фомин видел, что Женя его совсем не боится. Судя по всему, это был не первый ствол в его жизни. Он раскачивался из стороны в сторону, чтобы затруднить попадание в цель.

Писатель Евгений Рыбкин точно знал, что делает.

– Ты не понимаешь, – сказал Фомин. – Ты всего лишь игрушка в их руках.

– Я много чего не понимаю, – ответил Женя. – Это правда. Но одну вещь я точно знаю. Стволом проблемы закончиться не могут, а вот начаться – очень даже.

– Что вам нужно? – спросила Алиса дрожащим голосом.

– Что мне нужно? – переспросил Фомин. – Мне нужно, чтобы в этой жизни был смысл. А вы делаете все, чтобы его не было! Отойди от меня! – закричал он на приближающегося Женю.

Тот поднял руки и сделал шаг назад.

– Спокойно, Гена. Я отхожу. Никто не хочет проблем. Ты скажи, что тебя так разозлило. Мы поможем. Правда? – обратился он к окружающим.

У остальных едва хватило сил кивнуть.

– Ты хочешь мне помочь? – спросил Фомин. – Попробуй. Ты же такой талантливый. Это сразу видно. Ведь именно поэтому тебя выбрали победителем. За твой талант. Ведь так?

Никто не ответил Фомину.

– Вот есть два человека, – продолжил он. – Один из них живет в городе всю жизнь. Он знает каждую улицу, каждый переулок. Он не любит туристов, но если кто-то спросит его, как пройти, он расскажет, покажет, а иногда и доведет до места. Она знает историю почти каждого дома. Он знает не только модные рестораны, но и хорошие, и умеет отличать одни от других. Он морщится при упоминании об избитых местах, но попробуйте сказать при нем, что Красная площадь не самая красивая в мире.

Фомин ткнул рукой с пистолетом в сторону Жени.

– Есть другой человек. Он приехал не то из глубинки, не то из низинки. Он смотрит вокруг и видит только клевые места для своих убудочных фоток. Он не ест в ресторанах, даже если у него есть деньги, потому что с его точки зрения это баловство. Конечно, ведь его мамаша готовит лучше, чем всемирно известные повара. Он смотрит на гирлянды искусственных цветов, которыми изуродовали центр, и думает, что это красота. На их фоне он делает фотки и шлет друзьям в Челябинск.

– В Саратов, – поправил его Женя.

– Да какая, к черту, разница! – взвился Фомин. – Ты написал три школьных сочинения и называешь себя писателем. Мои рассказы опубликованы в ведущих журналах. Я принимал участие в трех альманахах. – Он захлебывался желчью. – Я написал историю человека, который дышит Москвой, чье сердце бьется в ритме города. Этот идиот описал все, что видел на улице по дороге домой. И вы выбрали его, а не меня? – Он кричал в лицо Алисе. – Вы что все, с ума сошли?!

– Давайте успокоимся, – подал голос Владлен Мартынович. – Я понимаю, что вы расстроены. Но не надо отчаиваться, молодой человек. Все эти конкурсы вещь очень субъективная. Вы напишите еще, и, я уверен, найдутся люди, которые оценят вас по достоинству. Ваш сюжет, ваш язык...

– Язык, сюжет – это никому не нужно. Кто даст новость, что коренной москвич с высшим образованием выиграл конкурс? Никто. Если же вы дадите приз провинциальному чудику, об этом напишут все. Грандиозная новость: провинциалы знают Москву лучше москвичей. Проклятые лицемеры! Вам нет дела до того, что вы рушите чью-то жизнь.

Выплеснув ярость, Фомин внезапно сдулся, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Силы его иссякли, рука с пистолетом опустилась.

Все так же раскачиваясь, Женя приблизился к нему и, внезапно вывернул его руку. Фомин ахнул и выпустил пистолет. Женя забрал его и сунул в карман пиджака.

Все в комнате с облегчением выдохнули.

– Пошли отсюда, разговор есть, – сказал Женя.

– О чем нам с тобой говорить? – устало спросил Фомин.

– Там видно будет.

Женя подталкивал Фомина к двери. Тот нехотя сделал несколько шагов.

– Подождите, как же это? – подал голос Шумский. – Надо же полицию вызвать.

– Не надо никого вызывать, – покачал головой Женя.

– Нет, позвольте! – Шумский внезапно осмелел. – Пистолет в вашем кармане – улика.

Этот человек собирался убить нас.

– Он собирался убить меня. Вы тут не при чем. С ним я сам разберусь.

– Не надо меня прикрывать, – гордо возразил Фомин. – Пусть звонит в полицию. Пусть меня вяжут, пусть кидают в тюрьму, – заводился он, – мне все равно.

– Боже, как у меня раскалывается голова, – простонала Алиса и потянулась к портфелю. –

Мне нужно выпить таблетку.

– Дай и мне одну, – попросила ее администратор.

– Пойдем, Гена, – потянулся к Фомину Женя.

– Да пошел ты к черту! – рявкнул Фомин и толкнул его с такой силой, что Рыбкин вылетел в коридор.

Его последние слова потонули в грохоте взрыва.

Бомба сотрясла столетний дом, и гул был слышен за несколько кварталов.

Прохожие инстинктивно пригнулись, прикрывая руками головы.

Лопнувшие окна усыпали осколками стекла асфальт. Припаркованные неподалеку машины взвыли аварийными сиренами.

Когда Фомин вытолкнул Женю в коридор, он спас ему жизнь. Толстая стена приняла на себя мощь взрывной волны. Оглушенный, Женя упал на пол, а сверху на него рухнули обломки звездного неба.

Четверо оставшихся в комнате были мертвы.

Глава 2

Грохот взрыва все еще стоял в ушах прохожих, когда приехавшая полиция оцепила место происшествия. Дверь книжного магазина осела и намертво заблокировала выход.

Спасатель подошел к окну, выбил торчащие осколки из рамы, освободив проход. Первой пошла служебная собака. Она оббежала груды стеллажей, припорошенные известкой, и сделала стойку возле стола с альбомами.

Осторожно, страхуя друг друга, спасатели добрались до стойки и начали разбирать книги. Под ними оказался стол, под которым обнаружилась копна темных волос. Копна завозилась, повернулась, и спасатели увидели припудренное пылью девичье лицо.

– Я альбом уронила, наклонилась поднять, а оно как бабахнет, – кричала девушка.

– Руками-ногами пошевелить можете? – спросил ее спасатель.

– Что?

Он помахал ей рукой – она ответила тем же.

– Может.

Спасатель показал стоящим за окном большой палец: все нормально, жива.

– Меня на пол бросило. Когда книги стали сверху падать, я под стол спряталась, – объясняла она, пока он освобождал ее из плена.

Едва появился проход, Варвара выползла из-под стола на четвереньках. Спасатель осмотрел ее, не нашел серьезных ран, после чего помог ей встать и снял с ее спины рюкзак.

– Как вас зовут?

– Варвара Гаранина.

Она оглядела руины магазина и показала в угол.

– Там кассирша сидела.

– Ей уже медики помогают. Еще кто-нибудь в зале был из покупателей?

Она покачала головой. – Только я.

– Идти можете?

– Голова кружится. – Варвара сделала шаг. Спасатель поддержал ее. – Плохо слышу. Как будто ватой обложили.

– Это ничего, это временно, – сообщил ей в ухо спасатель.

Через окно протянули носилки и одним концом поставили их на пол. Спасатель подвел Варвару, поставил спиной и пристегнул к ним ремнями. Ее вытащили наружу и понесли к машине скорой.

– Там еще люди в издательстве, – говорила Варвара. – Алиса, редактор. У меня ее карточка. Я обещала вернуть.

– Все хорошо, – утешал ее фельдшер. – Будем надеяться, что все обойдется.

Варвара пошевелила руками и ногами.

– Кажется, переломов нет, – сообщила она.

– Прекрасно, – кивнул фельдшер. – Докторам меньше работы.

– Можно мне домой?

– Сначала в Склиф. Если норм, то можно и домой.

Едва захлопнулись двери, как исчезло голубое небо. Его заменил потолок машины скорой помощи. Варвара лежала на носилках и смотрела прямо перед собой, прислушиваясь к тому, что происходило у нее внутри.

Она оглядела свой обсыпанный пылью жакет, затем пошевелила плечами и почувствовала, как что-то острое натирает шею. Она залезла пальцами за воротник и достала камешек. Поискав глазами, куда бы его деть, она положила его в кармашек рюкзака, лежавшего рядом на носилках.

Машина ехала без сирены, но с мигалкой, и вскоре они были у ворот НИИ скорой помощи на Большой Сухаревской. Дежурный врач встречал их у входа. Рядом с ним были каталка и ассистент.

Доктор посветил фонариком в зрачки Гараниной, ощупал голову, шею, осмотрел тело. Сказав несколько слов бригаде, которая ее привезла, он поставил свою подпись на документах, и Гаранина перешла под его ответственность.

Ее переодели в больничную одежду – тунику в мелких цветочках с завязками по бокам. Результаты рентгеновских снимков подтвердили, что переломов нет, а есть легкое сотрясение мозга, шок, несколько синяков и царапин.

– В целом, вы в порядке, – сообщил доктор Гараниной. – Могу дать вам успокоительное и пару часов понаблюдаем на всякий случай. Вечером вас можно забирать.

– Не надо меня забирать, – возразила Гаранина. – Я прекрасно сама себя заберу.

– После таких травм лучше не оставаться одной. У вас есть кто-нибудь?

– Бабушка, но ей лучше не знать, что меня взорвали. Иначе она взорвется сама.

– Друзья, подруги?

– Да, конечно, я им позвоню.

Доктор проводил ее в палату в конце коридора. Комната была небольшая и по больничным меркам даже уютная.

– Вы пережили сильный стресс. Сейчас вам кажется, что все уже позади, но это не так. Он вас догонит и накроет. Вам нужно отдохнуть.

– Со мной наверняка захотят поговорить. Я же свидетель.

– Все завтра.

– Нет, доктор, такие дела надо расследовать по горячим следам.

– Откуда вы знаете?

– Я детективы читаю и сериалы смотрю, – сообщила ему Гаранина с самым серьезным видом, на который была способна. – Не знаете, как там остальные? Их достали? Они живы? Я слышала два мужских голоса и один женский.

– Спасатели все еще работают, – уклонился от объяснений доктор. – Отдыхайте. Если вас будут спрашивать из полиции, я разрешу недолгую беседу.

* * *

Еще утром блиставшие свежей реставрацией интерьеры книжного магазина превратились в искореженную грудку камней. Как если бы кто-то мощной рукой вывернул стены наизнанку.

Когда спасатели продолжили разгребать завалы издательства, под ними обнаружили четыре трупа и один едва живой молодой парень. Его доставили в тот же институт скорой помощи, куда раньше привезли Гаранину.

Очень повезло китайским туристам. Когда первый испуг прошел, они высыпали из кафе напротив и направили свои телефоны на место взрыва. Кто-то даже вел прямую трансляцию в чате, восторженно показывая на разрушенное здание с выбитыми окнами.

Они не зря заплатили хорошие деньги за тур в далекую Москву.

Вскоре прибыли люди из ФСБ, отвечающие за любой взрыв на территории страны. В их обязанности входило определить, являлось ли это террористическим актом и тогда они забирали дело себе. Если же это было бытовым преступлением, расследование продолжала полиция, и потому дежурная опергруппа уголовного розыска тоже была на месте.

Старший показал корочки стоявшим в оцеплении и прошел за ленту. В удостоверении значилось его имя Андрей Борисович Беркут и звание майор.

Беркут обменялся коротким рукопожатием с оперативником ФСБ Елисеевым, с которым они раньше встречался в похожих ситуациях.

– Наше или ваше? – спросил Беркут.

– Пока непонятно. С одной стороны, взрывчатка – наши, с другой – издательство книг по искусству. Что тут террористам делать?

– Может, они художника какого-нибудь издали из тех, что священные книги неправильно иллюстрируют?

– Такие сразу о себе заявляют, чтобы хайпануть посильнее. – Елисеев махнул рукой. – Если цель максимальное количество жертв, то почему не кафе для туристов напротив. Тут тебе и взрыв в центре города и международный скандал в одном флаконе.

– Могли целиться в конкретных людей, или даже в конкретного человека, а остальные как прикрытие.

– Хочешь забрать себе дело, Андрей? – обрадовался Елисеев. – Хоть сейчас отдам. У нас такой завал, не продохнуть.

– Нам чужого не надо, но если не террористы, то заберу, конечно. Хотя только бытовухи со взрывчаткой нам еще не хватало. Пока могу чем-то помочь?

– Слетай в Склиф, допроси покупательницу, которая в магазине была. Она, вроде, не очень пострадала, должна быть в сознании. Если что накопишь, звони.

Добравшись до приемного покоя, Беркут спросил, где можно найти пациентку, которую привезли с сегодняшнего взрыва. Нужная палата оказалась в конце коридора, и, подходя ближе, он услышал, как звонкий женский голос и глухой мужской яростно обсуждали, почему отцы не любят школоту.

– Они просто реально тормозят, – горячился мужчина. – При этом, не забывают учить жизни. Вот в мое время, еще на первом релизе, когда мы в Эльхинор ходили рейдом на сорок человек... бла-бла... Он бы еще Бородино вспомнил.

– Вы сами ходили в этот рейд? – спросила девушка.

– При чем тут ходил-не ходил?

– Значит, не ходили, – определила девушка.

– Нет, их можно понять. Мы молодые, у нас все впереди, а у них уже все случилось. Мы схватываем на лету, а им нужно время. Я выдаю такой дамаг, о котором многие из них могут только мечтать. Это же зависть в чистом виде.

– Когда начинается разговор про дамаг, значит, в чат вошел паладин, – сказала девушка. В палате раздался дружный смех.

– Ну, паладин, и что? – заносчиво спросил мужчина.

Беркут подошел к палате и увидел, четверых людей в белых халатах, которые стояли к нему спиной. У окна перед ними девушка в больничной одежде с взлохмаченной копной темных волос выговаривала еще одному врачу. Он выглядел несколько старше остальных и для солидности носил бородку.

– Давайте, паладин, я вам объясню, почему отцы не любят школоту, – сказала девушка. – В игровом мире мы все персы, там нет разделения людей по возрасту, полу и прочей ерунде. Ты либо можешь делать работу, либо не можешь. Потому люди и играют в компьютерные игры, чтобы сбросить все те ограничения, которые накладывает общество. Чтобы просто почувствовать себя человеком. Рейд или инст – это командная работа, в которой необходимо знать тактику. Особенно это важно в начале игры или обновления, когда все плохо одеты и оружие без камней и чар. Без слаженной командной работы босса не завалишь.

Девушка сделала паузу, чтобы перевести дух.

– И тут выходит весь такой красивый паладин и наносит феерический урон. Смотрите, какой я крутой! Только этот крутой забывает добавить, что он сорвал агро босса на себя, тот его завалил и дальше наш герой отдыхает, пока остальные ведут бой.

– Значит, танк слабый, агро не держит, – возмутился доктор. – При чем тут паладин?

– При том, что первое правило команды: даже слабый игрок лучше мертвого. Потому что от слабого хотя бы слабый дамаг, а от мертвого никакого. Ты не просто упал сам, ты завалил

пати. Приходится ложиться всем и начинать сначала. Так вот, именно за неумение просчитывать ситуацию на два шага вперед и за то, что всегда ставят личные успехи выше командного результата, мы и не любим школоту.

Она вздохнула и добавила. – Ну и, конечно, за то, что пишете с ошибками в чате.

– Здесь я бы поспорил, – начала горячиться доктор.

– Я бы тоже, но позже. Ко мне пришли. – Девушка повернулась к Беркуту. – Вы ведь из полиции, да? Можно посмотреть ваше удостоверение?

Она подошла к нему. Беркут привычным жестом достал корочки. Она внимательно ознакомилась.

– Майор Андрей Борисович Беркут из уголовного розыска, – представила она его собравшимся. Показав на врача, с которым спорила, она произнесла. – Семен Олегович, дежурный врач. Все остальные ординаторы первого года хирургического отделения. Вы только посмотрите, Андрей Борисович, какое симпатичное светлое будущее у нашей хирургии.

– Несомненно, – кивнул Беркут. – Семен Олегович, разрешите мне побеседовать с вашей пациенткой?

– Только недолго.

– Да, разумеется, вам еще танчики обсуждать.

– Дело не в танчиках, – возмутился Семен Олегович. – Она еще слаба.

– У нее хватило сил устать вас за то, что вы жи-ши неправильно пишете, значит, на пару моих вопросов она ответить может.

Представители светлого будущего нашей хирургии попробовали посмеяться, но под суровым взглядом Семена Олеговича увяли и вышли из палаты.

– Если что, я рядом, – сообщил он и последовал за ними.

Варвара уселась на кровать, указав Беркуту на стул у окна. Он взял его и пододвинул ближе. Достав блокнот и ручку, он поднял на нее глаза.

– Гаранина Варвара Дмитриевна, – с готовностью начала рапортовать она. – Проживаю по адресу... номер телефона... Только он не работает после взрыва.

Беркут быстро записывал.

– Что вы помните о событиях сегодняшнего утра? – спросил он.

– До взрыва все помню. Дальше провал, потом помню, как меня вытащили, привезли сюда, проделали кучу тестов и чем-то накачали. Я должна спать, но поскольку я нервно перевозбудилась, то спать я не хочу, а все время думаю. Я так рада, что вы пришли.

Варвара с обожанием посмотрела на Беркута. Он насторожился.

– Мне нужно с кем-то все это обсудить, – пояснила она. – Вы подходите лучше других.

– И чем же?

– Тем, что постоянно имеете дело с такими событиями. У вас большой опыт. Теперь по порядку. Утром в половине седьмого мне позвонила моя подруга Буханова и сказала, что редактор издательства Алиса Феденко будет ждать меня у входа.

– Зачем?

Варвара полезла в рюкзак, который стоял на тумбочке, и достала из него пластиковую карту.

– Это карта Алисы. Я хотела купить альбом Моне в подарок бабушке. Он жутко дорогой, а с картой дешевле.

– Вы раньше встречались с Алисой?

– Да, но я не помню где. Мы решили, что это было на дне рождения Бухановой, но может быть где-то еще. Когда я увидела, я ее узнала и она меня тоже.

– Что было дальше?

– Мы поболтали пять минут до открытия магазина. Я взяла карту и должна была потом оставить ее у администратора. Дальше я пошла в магазин, стала листать альбомы. Потом взрыв и темнота.

– О чем еще вы говорили с Алисой?

– О театре, о Ренуаре, которого они планируют издавать. И теперь главное. – Варвара со значением посмотрела Беркуту в глаза. – У нее в руках был безумно красивый портфель, элегантный, мужской, кожа очень тонкой выделки, с узорами.

– Вы сказали мужской?

– Да, такой вместительный. Я еще удивилась, откуда. Она сказала, что восточные партнеры подарили ее парню два одинаковых портфеля. Один он отдал ей.

– Одинаковых? – напрягся Беркут.

– Я тоже сразу обратила внимание на это слово, – кивнула Варвара. – Нужно узнать, кто ее парень. Если он какая-то важная шишка, то наверняка хотели взорвать его, а она взяла портфель по ошибке.

– Как версия – вполне, – согласился Беркут. – Я сообщу коллегам. Что-нибудь еще?

– Вам этого мало? – В голосе Гараниной звучала обида. – Я вам версию на блюдечке с голубой каемочкой, а вы мне в ответ глубокое равнодушие.

– Это профессиональное. Первая версия редко бывает правильной. Давайте продолжим разговор об Алисе Феденко. Какой она вам показалась?

– Обычной девушкой из правильной семьи.

– Что значит «правильной»?

– Ну, приличной, если хотите. Все деятели культуры. Папа режиссер второсортных комедий на студии Горького. Мама играет в Моссовете. Бабушка была председателем месткома в Большом театре. Есть еще дядя организатор гастролей, но они мало общаются, хотя деньги у него занимают исправно.

Беркут удивленно поднял брови.

– Что вы на меня так смотрите? У меня есть подруга, которая все обо всех знает. И в интернете меня тоже не забанили, – сказала Варвара воинственным тоном. – Вы считаете мою идею с портфелем бредовой?

– Нет, почему же, она вполне рабочая. Я прямо сейчас позвоню своему коллеге, который ведет это дело, и расскажу ему.

– Правда расскажете? – обрадовалась она.

– Правда, – успокоил ее Беркут.

Он достал из кармана визитную карточку и протянул ее Варваре.

– Если что-то вспомните, звоните. – Он поднялся со стула и убрал блокнот в карман. – Поправляйтесь и постарайтесь не думать о плохом. Вам сейчас нужно сосредоточиться на себе.

Покинув палату, Беркут на ходу достал телефон, набрал номер и коротко изложил Елисееву результаты разговора со свидетельницей.

– Мы как раз нашли обрывки кожаного портфеля в эпицентре взрыва. – раздался в трубке голос усталого, но довольного Елисеева.

– Узнали, кто ее парень? Есть, за что его убивать?

– Узнали и есть. Это Эрик Чернов, создатель и разработчик антивирусной программы. Он сейчас на оборону работает. Очень серьезный парень, голова, каких поискать. Так что наверняка метили в него. Два одинаковых портфеля все объясняют. Спасибо за помощь, Андрей. Мы забираем дело.

Прощавшись с Елисеевым, Беркут долго стоял у окна в коридоре больницы. Варвара смотрела на его спину и пыталась представить себе выражение его лица. Ничего, кроме злости и отчаяния, ей в голову не приходило.

Может быть, потому, что руки Беркута были сжаты в кулаки.

Глава 3

Всего через два часа Буханова сидела на том же стуле, что и Беркут, и смотрела на Гаранину с тем же жалостливым сочувствием.

– Какая же я балда, зачем я тебе позвонила? – причитала она. – Ты бы сейчас тексты писала, а не валялась тут с сотрясением мозга.

– Буханова, тебе тексты важнее меня? Я все время забываю, ты мне подруга или нет?

– Я тебе утром была подругой по глупости. А сейчас я редактор без двух текстов, которые мне даже заказать некому. Все в запарке.

– Который час?

– Без пяти два.

– Через пять минут тебе станет очень стыдно.

– Мне?! – искренне возмутилась Буханова. – Моя няня помнит, когда мне последний раз было стыдно. Остальные никогда ничего подобного не видели.

– Подожди пять минут. У тебя ноут с собой?

– Нет, но планшет есть.

– Дай, пожалуйста.

Получив в свое распоряжение планшет, Варвара набрала в поиске имя Эрика Чернова, и первыми перед ней появились фотографии.

Высокий рост, широкие плечи, бицепсы. Правильные черты лица, высокий лоб под элегантной стрижкой, на щеках легкая небритость, отполированная в барбершопе. В глазах – спокойная уверенность.

Эрик Чернов производил впечатление человека, который знал, что его ценность заключается в нем самом, а не в том месте, которое он занимает. Так выглядят врачи, адвокаты и редкие специалисты высокого класса.

– Тебя наконец-то стали интересовать эффектные мужчины? – съязвила Буханова, глядя на экран. – Для этого понадобилось всего-то сотрясение мозга,

– Меня интересует Эрик Чернов.

– Тот бедняжка, у которого девушку убили, – кивнула подруга.

– В который раз поражаюсь тебе, Буханова. Неужели ты все помнишь?

– Все не все, но Эрик такой сладкий, что я сама собиралась за ним приударить.

– И как?

– Там такая конкуренция, что я еле отползла. Вообще, я удивилась, что он на Алиску запал. Хотя, они чем-то похожи.

– Кто они? – не поняла Гаранина.

– Алиса и его предыдущая девушка. Та, которую убили. Я же тебе только что сказала.

В палате повисла тишина. Пока Варвара осмысливала услышанное, телефон Бухановой выдал слабый писк. Она проверила полученное сообщение и приложила руку к сердцу.

– Гаранина, ты прислала мне тексты! – Она смотрела переполненным благодарности взором на сидящую перед ней с открытым ртом Варвару. – Ни снег, ни дождь, ни вьюга не встанут на твоём пути. Ты права, Гаранина, шейм он ми. Мне стыдно, что я не верила в тебя.

– Бог с ними, с текстами, – рывкнула Гаранина так, что Буханова отпрыгнула. – Повтори, что ты сказала о девушке Чернова.

– А что я сказала? Что ее убили? Так это еще год назад было. Или больше, я не помню уже. Прямо среди бела дня зарезали в переулке.

– В переулке?

– Не то в Кривоколенном, не то в Архангельском, я не помню. Но где-то в наших краях.

В голове у Варвары по-прежнему было туманно от последствий взрыва, но она чувствовала, что только что услышала нечто важное.

– Парень встречается с двумя девушками и в течение года одну из них убивают ножом, а вторую взрывают. Это не может быть простым совпадением, – заявила Варвара.

– Ты хочешь заняться этой историей?

– Буханова, это будет бомба. Как тебе заголовок «Охота на красавчика-миллионера»?

– Мы приличное издание. Придумаем что-нибудь заковыристо-кликабельное. Статью пиши и чтоб непременно от первого лица. "Когда в трех метрах от меня взорвалась бомба, у меня потемнело в глазах".

– Буханова, как ты можешь быть настолько технически неграмотной? В трех метрах от меня бы ничего не осталось.

– Напиши в десяти.

Зайдя на сайт издательства "Альтаир", Варвара нашла список сотрудников и показала его подруге.

– Знаешь кого-нибудь?

Буханова пробежалась по списку глазами и ткнула в имя. По клику открылась фотография с подписью.

Одетая в длинный многоцветный балахон, увешанная массивными серьгами и браслетами, Амалия Величковская сидела за столиком шикарного ресторана. Ее сумка от недорогого дорогого модельера и туфли последней коллекции известного модного дома красноречиво намекали, что бохо-шик – это намеренный выбор стиля, а не способ скрыть отсутствие средств.

Сумки и обувь посылают такой же сигнал другим женщинам, как часы и машины другим мужчинам.

Судя по фотографии, выложенной час назад в социальных сетях, Амалия страдала от задержки рейса в аэропорту далекой жаркой страны. Она обрадовалась видеозвонку. Буханова познакомилась с девушкой, и Варвара попросила Амалию рассказать о работе подробнее.

– С одной стороны, «Альтаир» очень уважаемое издательство. Хорошо, когда есть имя, репутация, – начала Амалия. – Мне как сммщице это облегчает работу. Еще удобно, что я могу работать удаленно, хотя бесит, когда беспокоят в отпуске.

– Что конкретно вы делаете? – спросила Варвара.

– Я занимаюсь маркетингом в социальных сетях. Веду страницы на разных площадках, публикую новости, отвечаю на комментарии читателей. Продвижение продукта не менее важно, чем сам продукт. – Ее пальцы быстро забегали по кнопкам. – Сегодня колоссальный наплыв сочувствующего народа. Надо это использовать. Другого такого момента может и не быть.

– Так лучше, чтобы не было, – сказала Варвара.

– Я не взрыв имела в виду. Просто у нас в издательстве сами не знают, чего хотят. С одной стороны, от меня требуют увеличения количества подписчиков, а с другой, любой шаг в сторону – сразу крики: это слишком авангардно, немедленно уберите. У нас уважаемое издательство, это не наш стиль. Старые сотрудники, особенно Владлен Мартынович, ничего не понимают в современных технологиях. Одна Алиса меня поддерживала. Так жаль, что она погибла.

– Вы дружили с Алисой?

– Мы ходили вместе на ланч.

Гаранина и Буханова переглянулись и кивнули: у современных девушек это вполне может быть показателем дружбы.

Амалия посмотрела на экран и расплылась в улыбке.

– Вот и она, наша сегодняшняя героиня. Наконец-то. Я уже устала ждать.

Последняя фраза была адресована новому комментарию на странице издательства. Амалия разглядывала аватар гостя взглядом опытного врача: с одной стороны, жаль видеть страдания пациента, с другой, интересный материал для статьи.

– Ты видно какую-то книжку недавно прочитала. Типа «Как заработать миллион, не вставая с дивана и вылечить все болезни силой воли». Давай, излагай.

В ответ на недоуменные взгляды Гараниной и Бухановой, Амалия пояснила:

– Есть кучка идиотов, которая слетается на каждое резонансное происшествие. Знают, где народ пасется, и приходят себе паству собирать. Есть пропагандист супердиеты. Есть психолог с нарисованным дипломом. Она обычно бодается вот с этой, – она кивнула на экран, – мастером подсознательного самоконтроля. Как только эта что-нибудь напишет, та психологиня прибегает и кричит, что все надо делать по-другому. Они сцепляются на сто комментариев. Мне даже делать ничего не надо. Сiju, курю бамбук, траффик идет.

Она смотрела на бегущую ленту комментариев с чувством глубокого удовлетворения.

– Где издательство берет авторов? – спросила Гаранина.

– Сейчас очень популярны книги всяких знаменитостей.

Амалия поморщилась и удалила комментарий в ленте: кажется, мастер самоконтроля зашла в своем запале слишком далеко.

– Вы не представляете, какой кошмар работать с селебрити. Они цепляются к каждому слову, к каждой фотографии. Ах, здесь у меня морщинка под глазом. Тут я неудачно встала. Это фото тоже уберите, потому что я на нем с бывшим мужем. Моему нынешнему это не нравится. Ну и что, что я сама прислала и утвердила его. Может звезда передумать? Вот я и передумала. – Последние слова она произнесла с интонацией капризной дивы.

– Тяжелая работа, – посочувствовала Гаранина. Ее голос звучал вполне искренне. – Значит, новых имен у вас немного.

– Совсем нет. Поэтому два месяца назад Алиса и придумала конкурс короткого рассказа «Одна страница о Москве». Нашла спонсора, уговорила Владлена Мартыновича, чтобы он согласился на эту акцию. Это была отдельная история. Он же сам когда-то был писателем. Не очень успешным, один роман написал или два. Что-то такое про парня, которого не взяли в художественное училище. Сказали, что недостает самобытности. Он начал копии известных картин рисовать. Потом он в банду торговцев подделками устроился.

– Интересная история.

– Я не дочитала, – пожалала плечами Амалия. – Такую книгу не знаешь, как продвигать. Как триллер – вялый, как художка с душевными метаниями – плохо продается. В общем, писательством он много не заработал. Когда открылась вакансия редактора в «Альтаире» устроился сюда. Как он говорил, на годик-другой. В результате двадцать пять лет работы. Я когда смотрю на него, думаю, вот пример, как не надо жить. Больше трех лет нельзя нигде работать, а то и больше двух.

– Давайте вернемся к конкурсу, – попросила Гаранина.

– Он как раз закончился. Я позавчера разместила результаты на сайте и в социальных сетях.

– Можете дать нам имена победителей?

– Только ники. – Амалия отмотала ленту на экране. – Победителем стал писатель с ником Космонавт 3000.

– «Поздравляем победителя и приглашаем его придти в издательство, подтвердить свое авторство и получить приз», – прочитала Гаранина на экране. – Каким образом подтверждается авторство?

– Каждый участник должен прислать в издательство распечатанную страницу с рассказом и поставить внизу свой ник ручкой или карандашом, – пояснила Амалия. – Точно такую же

страницу с такой же подписью он должен был послать себе. Этот нераспечатанный конверт и являлся доказательством авторства.

– Аналоговое доказательство в цифровую эпоху, – оценила Гаранина. – Интересно придумано.

– Это идея Владлена Мартыновича. Они таким способом еще в советское время пользовались.

В устах Амалии это звучало как «при царе Горохе».

– Вы хорошо знали Алису? – продолжила расспрашивать Варвара.

– Не то, чтобы очень. Она всегда особняком держалась. – На лице Амалии мелькнула легкая тень неодобрения. – Она генерировала интересные идеи, но все это с таким видом, как будто делает нам большое одолжение.

– Это очень неприятно, – согласилась Гаранина. – Из последних ее идей что вам запомнилось?

– Самая топовая, конечно, сборник интервью: двадцать пять самых крутых молодых бизнесменов, работающих в сфере информационных технологий. Рабочее название было «Первые пять лет». Было решено записать и издать их истории, чтобы потом выпустить продолжение «Следующие пять лет». За это время многое изменится: кто-то станет миллионером, кто-то разорится.

– Сериал с продолжением, – понимающе кивнула Гаранина.

– Вроде того. Так вот, чуть больше месяца назад у нас была пати в пафосном ресторане на террасе, куда пришли все двадцать пять героев. Каждый из них потенциальный миллионер. Согласитесь, не каждый день девушке такой шанс выпадает.

– Это я как девушка очень понимаю, – влезла Буханова.

– Я сразу обратила внимание на Эрика, – мечтательно вспоминала Амалия. – Яркий, собранный, нацеленный на результат. Смотришь на него и понимаешь: этот парень своего добьется. Он носился из конца в конец зала, старался познакомиться со всеми. Говорил на странном языке, с кучей непонятных терминов, как все программисты. Но в нем не было закрытости, зашоренности, как в других. Потом он увидел меня и подошел.

Воспоминания вызвали у нее теплую улыбку.

– Я понятия не имела, о чем с ним говорить. Я в айти вообще ничего не смыслю. Тогда он стал расспрашивать меня о новых книгах. Выяснилось, что оба любим одну и ту же группу.

– Редко, когда вот так сразу совпадаешь с человеком, – вставила Буханова.

– Эрик очень обаятельный, – продолжила Амалия. – Он был так внимателен, что я просто таяла рядом с ним. И ведь отошла я буквально на минуту, чтобы принести еще вина.

Амалия вспомнила свой досадный промах, и неприятная гримаса исказила ее лицо.

– Когда вернулась, рядом с ним стояла Алиса и что-то говорила. Сначала он показался мне потерянным. Потом шокированным. Не знаю, что такого она могла ему сказать. Когда я подошла, он почти вырвал бокал у меня из рук и потащил меня знакомиться с коллегами. Весь оставшийся вечер мы переходили из компании в компанию. Он представлял меня своим друзьям. Мне показалось, что... ну как бы... мы уже пара. Я размечталась...

Она вздохнула.

– Потом мы обменялись телефонами. Я думала, что у нас все на мази. Но он не позвонил. Я собиралась звонить сама. Тут приходит Алиса, говорит, что недавно встречается с парнем, и тот уже предлагает жить вместе. Она не знает, что ему ответить. Стали обсуждать, выяснилось, что ее новый парень Эрик Чернов. Я была в шоке. Она же старше его на пять лет! И такая, блеклая, как будто во все краски серого цвета добавили. Что он в ней нашел?

Раздался голос диктора, объявляющей выход на посадку. Амалия заторопилась, и девушки попрощались.

– Получается, Алиса утащила у нее Эрика, – резюмировала Буханова. – Я бы за такое точно убила.

– У нее алиби, она в другой стране, – возразила Гаранина. – Кроме того, чтобы устроить взрыв, нужно иметь мозги и технические навыки. У Амалии не просматривается ни того, ни другого.

– Может, она хорошо маскируется, – не сдавалась Буханова.

– И поэтому сразу выложила нам всю историю.

Буханова вздохнула.

– Тебя когда выписывают? – спросила она.

– Обещали к вечеру.

– Во сколько за тобой заехать?

– Меня опер отвезет.

– Какой еще опер? – всполошилась Буханова.

– Андрей Борисович.

– Симпатичный?

– У меня сотрясение мозга, перед глазами все плывет. Для меня сейчас все симпатичные.

Дай телефон, один звонок сделать.

– Бабушке?

– Я еще не сошла с ума, чтобы звонить бабушке из Склифосовского.

– Она еще не знает?

– Она вечером приезжает из Сибири с театрального фестиваля. Так что может проскочит.

Буханова рассмеялась. – У твоей бабушки не проскочишь.

– Я все же попытаюсь.

Варвара сделала звонок и вернула телефон Бухановой, которая взяла с нее клятву связаться, если будет нужна помощь.

Проспав часа четыре, Варвара снова встретила с доктором Семеном Олеговичем. Он осмотрел ее как доктор и продолжил отстаивать выбор персонажа как паладин.

Варвара попросила разрешения воспользоваться телефоном доктора, чтобы позвонить Беркуту.

– Андрей Борисович, это Варвара Гаранина. Мы с вами сегодня разговаривали, – напонила она. – Я звоню вам с телефона доктора.

– Это тот, с которым вы в танчики играете?

– Вообще-то он паладин, а я маг. Где мы, по-вашему, танчики найдем? И вообще, я по делу. У меня есть информация, которая может вас заинтересовать.

– Дело забрала себе ФСБ. Могу продиктовать вам телефон следователя. Ему и сообщите.

– Это потому что взрывы их компетенция?

– Нет, потому что покушались на их клиента. Алису Феденко и ее коллег убили по ошибке.

– Вы в этом уверены, Андрей Борисович? – настойчиво спросила Варвара.

В трубке воцарилось молчание.

– У меня есть подруга, которая знает в Москве всех, – продолжила Варвара. – Мы с ней позвонили сотруднице издательства, которая сейчас в отпуске. Она нам рассказала много интересного.

– Например?

– Например, как встретились Алиса и Эрик Чернов.

– Это вы тоже можете сообщить следователю ФСБ, – сказал Беркут.

– Когда я узнала, что предыдущую девушку Чернова тоже убили, я позвонила в отдел уголовного розыска центрального округа и спросила, к кому я могу обратиться по этому делу. Мне сказали, что дело ведет майор Беркут Андрей Борисович.

Она услышала тяжелый вздох Беркута на другом конце провода.

– Я видела, как ваши руки сжались в кулаки, когда вы слышали имя Чернова. Он ведь у вас главный подозреваемый, да?

– У меня нет ни одной зацепки, – признался Беркут.

– Мы могли бы с вами обсудить это дело, – предложила Варвара. – Вдруг я увижу что-то, чего не видит ваш замыленный глаз.

– Сомневаюсь в этом.

– Давайте по-другому. Если Эрик Чернов убийца, то он должен сидеть в тюрьме, и не важно, какие у него покровители. Но если нет, то убийца где-то рядом с ним, и тогда он в опасности. Вы же не оставите человека в опасности, Андрей Борисович?

Глава 4

Рассудив, что ехать в машине по вечерним пробкам не лучшая идея, Беркут оставил машину возле здания УВД. Коллеги подбросили его до нужного места. Он нашел Варвару в приемном покое, где она прижимала к груди выписку с результатами анализов.

– Голова не болит? – спросил он. – Как вы себя чувствуете?

– Как человек, который не хочет, чтобы его спрашивали об этом каждые пять минут, – поморщилась Варвара.

– Намек понят. Возьмем такси?

– И будем обсуждать двойное убийство в пробке? Пойдем пешком. До моего дома минут сорок бодрым шагом.

– Вы способны на бодрый шаг? Это радует.

Беркут попросил доктора разрешить Варваре посмотреть на пациента, который выжил при взрыве в издательстве. Пострадавшего уже прооперировали и перевели в палату интенсивной терапии.

Гаранина посмотрела на бледное мальчишечье лицо, обвитое трубками, и покачала головой: нет, она его никогда раньше не видела.

Покинув Склиф, они перешли на другую сторону Садового кольца и пошли по Ананьевскому переулку, что идет параллельно Сретенке. Там было тихо, если не считать строительства новых клубных домов на месте старых доходных.

Варвара рассказала Беркуту все, что услышала от девушки из издательства. Какое-то время они шли молча.

– Получается, Алиса и Эрик Чернов были знакомы не больше четырех недель, – первым нарушил молчание Беркут.

– Две из которых они жили вместе.

– Это не показатель.

– Наоборот, – возразила Варвара. – Это самый интересный показатель. Алиса из тех девушек, которых надо завоевывать. Эрик человек не ее круга. Ему нужно было сделать что-то неординарное, чтобы она переехала к нему так быстро.

– Деньги решают множество проблем.

– У нее наверняка есть квартира в центре, доставшаяся от бабушки. Дача где-нибудь в престижном месте, типа озера Круглое.

– Это вы к чему?

– К тому, что предки передали Алисе то, что Эрик должен был покупать. И ему могли не продать, потому что он не свой.

– Тогда Алиса была ему нужна, чтобы войти в ее круг, стать своим.

– Возможно, – кивнула Варвара. – Здесь могут быть параллели с его первой девушкой. Расскажите мне о ней.

– С чего начать?

– С осмотра места преступления.

Беркут бросил острый взгляд на Варвару и начал размеренно излагать.

– Двадцать третьего июня прошлого года в Потаповском переулке недалеко от улицы Покровка был обнаружен труп молодой девушки с черепно-мозговой травмой. Документов при ней не оказалось. Телефон был зарегистрирован на имя Ирины Викторовны Резник. Дело поручили мне. Я связался с ее братом Марком Резником, владельцем крупной IT компании. Он приехал в морг, опознал сестру и сразу обвинил ее бойфренда Эрика Чернова.

– Вы рассматривали других подозреваемых?

– Да, в том числе и самого Резника, но ни у кого из них не было мотива убивать девушку. Никто не выигрывал от ее смерти. Отец Ирины был очень состоятельным человеком. У него возникли серьезные проблемы со здоровьем, поэтому он передал компанию сыну и отошел от дел. Спустя год он скончался. Ирина сначала работала у брата, а затем одновременно с Черновым покинула компанию. Эрик основал фирму, а Ирина превратилась в домохозяйку.

– Родные одобряли выбор Ирины?

– Резник сказал «иногда дочерям состоятельных людей приходится выбирать из того, что есть под рукой».

– Это не похоже на комплимент.

– Вот и мне так показалось. На момент убийства у Чернова есть алиби. Вход и выход из здания его компании по электронным пропускам. Пропуск Чернова был использован в тот день дважды, утром и вечером. Ирину убили между двенадцатью и часом дня.

– Он мог подделать логи, – предположила Варвара. – Он же айтишник. Ему ничего не стоит стереть записи и сделать новые.

– Мы не нашли доказательств. Дело не закрыто, следствие продолжается, но, в общем, глухарь.

– Вы рассказали об этом вашему коллеге из ФСБ?

– Завтра зайду к нему. Заодно посмотрю записи с камер наблюдения. Вдруг что-нибудь интересное проклянется.

Они прошли по бульвару до Покровки, свернули направо и добрались дворами до железных ворот. Варвара нажала код домофона, который запищал, открывая узкую калитку. Пройдя через арку, они очутились в колодце двора. Подойдя к дальнему подъезду, Варвара набрала еще один код и открыла дверь.

– Четвертый этаж, – провозгласила она, направляясь к лестнице.

– Лифт не работает? – спросил Беркут.

– Работает. Можете воспользоваться.

– Тогда почему пешком?

– Проверяю вестибулярный аппарат, – отозвалась Варвара, преодолевая первый пролет. Беркут вздохнул и направился за ней.

– Часто вы на себе эксперименты ставите? – спросил он.

– Вы имеете в виду, часто ли меня взрывают? Первый раз.

Они уже дошли до третьего этажа, когда Варвара остановилась и повернулась к нему.

– Значит так, – сказала она шепотом, – сейчас мы должны выработать единую стратегию поведения.

– Зачем? – также шепотом отозвался Беркут.

– Затем, что всех нас, умных и глупых, образованных и неучей, мечтателей и циников объединяет одно: мы лжем нашим родным, – торжественно сообщила Варвара. – Сегодня мы будем обманывать мою бабушку. Сразу предупреждаю, задача тяжелая. Старушка отнюдь не божий одуванчик и раскалывает на раз-два. Так что наша версия событий должна быть максимально правдоподобной.

Беркут вглядывался в ее лицо, пытаясь понять, не шутит ли она. Варвара выглядела очень серьезно.

– Я все продумала. Официальная версия такова: я пошла покупать Моне в подарок бабушке и как раз подходила к издательству, когда взорвалась бомба. Меня слегка присыпало известкой и все. В Склиф я ездила, потому что всех туда повезли. Вы, как сотрудник органов, это подтвердите. Вас послали довести меня домой, а то вдруг я упаду по дороге. Понятно?

– Более-менее.

– Давайте уточним детали, где и как я упала, чтобы выдержать перекрестный допрос.

– Где вы упали, я не видел, поскольку меня там не было. Я приехал уже после того, как вызвали полицию.

Гаранина посмотрела на него с уважением.

– Вы минимизируете количество информации, на которой можете проколоться. Приятно работать с профессионалом.

Они преодолели последний пролет, и Варвара отперла входную дверь.

Их встретила пожилая дама в широком темном платье. Ее седые волосы были коротко подстрижены. Она сцепила перед собой тонкие сухие руки, унизанные кольцами и массивными браслетами,

– Варвара, почему твой телефон целый день выключен? – спросил она низким голосом вместо приветствия.

– Как театральная жизнь в Новом Уренгое? – ответила вопросом на вопрос Варвара. – Ты привезла что-нибудь вкусненькое?

– Ты забыла предупредить, что придешь не одна. – Бабушка улыбнулась вошедшему за ней Беркуту.

– Проходите, – пригласила его Варвара. – Андрей Борисович Беркут, мой сопровождающий на этот вечер. Моя бабушка, Белла Барановская. Она не любит, чтобы ее называли по отчеству, так что просто Белла.

– Очень приятно, Беркут.

Ему почему-то нестерпимо захотелось поклониться, как это делали царские офицеры в старых фильмах.

– О, – кокетливо изогнула брови бабушка, – ты наконец-то пришла с мужчиной.

– Я не мужчина, – умерил ее оптимизм Беркут. – Я опер.

– В каком смысле опер?

– В уголовном.

– Что случилось, Варвара? – потребовала объяснений бабушка.

– Пошла за книгой в магазин при издательстве, а там взрыв. Меня даже не задело. Но полиция отвезла всех в институт Склифосовского, – изложила Гаранина сухим телеграфным стилем. – Проходите, Андрей Борисович. Я думаю, сразу на кухню. Ба, ты не покормишь нас? Я целый день не ела.

– Ты не ела, потому что негде было или потому что доктор запретил? У тебя сотрясение мозга? Может быть, ты все-таки зашла в магазин?

Беркут подумал, что тон бабушки вполне подошел бы для перекрестного допроса. Он признал, что опасения Гараниной имели основания: бабушка была нелегким противником. Она сразу находила слабые места в логике и начинала бить по ним прямой наводкой.

– Я, пожалуй, пойду, – предложил Беркут, игнорируя просительный взгляд Варвары.

– Даже не думайте! – взвилась бабушка. – Вы доставили Варвару целой и почти вменяемой, так что самое малое, что я могу для вас сделать, это накормить. Я привезла копченый муксун и ягель в клюквенном сиропе.

– В клюквенном? – колебался Беркут.

– Варвара, иди переоденься. У тебя сзади пятно на юбке. Вы, Андрей Борисович, мойте руки. Прямо по коридору и налево. Я накрою на стол через пять минут. Вы что-нибудь имеете против супа с фрикадельками?

– Ни в коем случае, – замотал головой Беркут и пошел в указанном направлении.

Через несколько минут он вернулся на кухню, где посреди стола уже стояла тарелка с нарезанными овощами и привезенные с севера деликатесы.

– Вам помочь? – предложил он.

– Очень любезно с вашей стороны, – проворковала Белла, закрывая за ним дверь на кухню. Она понизила голос, также как Варвара на лестнице, и зашипела. – Что на самом деле

случилось? И не вздумайте повторять тот бред, который вы придумали у двери подъезда, когда шли сюда.

Если бы она сказала «придумали на лестнице», Беркут поверил бы, что бабушка видит сквозь стены. Но и так было ясно, что свою внучку она неплохо знает. Дальнейшее запираительство могло только усугубить ситуацию.

– Я вам ничего не говорил, – сказал Беркут заговорщицким тоном. Белла кивнула. – Она действительно была рядом с магазином, когда произошел взрыв. Ее немного присыпало штукатуркой и поцарапало осколками.

Пока Беркут говорил, бабушка кивала, затем прищурилась:

– Штукатуркой, говорите. Почему тогда у нее рука и нога перевязаны?

– Вы же знаете свою внучку. – Беркут принужденно улыбнулся. – После взрыва книги разлетелись. Она увидела одну. Ой, кричит, альбом Моне, мне как раз такой нужен. И прямо к нему. Там еще кирпич лежал, наверное, из стены вылетел при взрыве. Один-единственный кирпич посреди тротуара. Ну, обойди ты его. Нет, она глазами к альбому прилипла, и прямо через этот камень навернулась на асфальт.

Он так вдохновенно описывал картину, как будто видел ее перед собой. В этот момент Беркут сам себе верил и надеялся, что бабушка тоже поверит.

– Вы чего закрылись? – с подозрением спросила Гаранина, распахивая дверь на кухню. – Секретничаете?

– Да вот рассказывал вашей бабушке, как вы на ровном месте спотыкнулись о кирпич и упали на асфальт. Когда за альбомом Моне побежали после взрыва.

Лицо Варвары застыло. Очевидно, Беркут не выдержал напора и ему пришлось придумать версию, максимально приближенную к настоящей. Те же факты были изложены в другой последовательности, что делало разговор о них возможным и, в то же время, более безопасным.

– Почему же тебя держали до вечера? – продолжала допытываться бабушка, но уже более миролюбивым тоном.

– Порядок такой, – пояснил Беркут, усаживаясь за стол. – Свидетелей и тех, кто сообщает о преступлении, всегда тщательно проверяют. Вы не поверите, сколько преступников звонит в полицию, думая, что тем самым отведут от себя подозрения.

– Где же Моне? – спросила бабушка, разливая суп по тарелкам.

– Там же, где и был, – вздохнула Варвара. – Я не дошла до него. Кирпич помешал.

Дальнейший разговор принял форму светской беседы. Белла описывала свои впечатления от театрального фестиваля, остальные внимательно слушали.

Когда Беркут посмотрел на часы, время приближалось к полуночи. Белла предложила постелить ему в кабинете на диване, и Беркут согласился.

Сидя за столом на кухне и слушая пикировку Варвары с бабушкой, впервые за долгое время он почувствовал себя дома. Ему не хотелось из этого дома уходить.

Оставшись один в кабинете, Андрей потратил добрых полчаса, обозревая книжные полки от пола до потолка. В собрании прослеживалась не логика коллекционера, но любопытство читателя.

Здесь были и солидные дореволюционные издания, и советские брошюры двадцатых, тонкие и на плохой бумаге. Рядом с собранием сочинений Пушкина тридцать седьмого года стояли первые перестроечные издания, которые в то время жадно глотала вся страна.

На столе у окна лежало старинное массивное пресс-папье. Беркут взял его в руки и прикинул на вес. Такой вещью легко можно размоzzжить голову.

Затем его взгляд перешел на бамбуковую палку с узорами, которая лежала на полке как раз на уровне его глаз. Она была из тех вещей, что покупают в качестве сувенира в экзотических странах. Затем они путешествуют по квартире, собирая пыль. Предпоследним их пристанищем обычно становится дача, а последним костер.

Беркуту было удивительно спокойно в этом месте. Он прилег на диван, старинный, с высокой плоской спинкой, которую так хотелось потрогать. Кожа приятно холодила ладонь. В конце долгого, полного событий дня, он, наконец, почувствовал, что устал. Едва закрыв глаза, Андрей провалился в темноту.

Проснулся он от странного чувства беспокойства. Снаружи кабинета раздавались тихие шаги: кто-то ходил по квартире. Ступая босыми ногами по ковровой дорожке, Беркут дошел до дверей кухни и заглянул внутрь.

Злоумышленник рылся в холодильнике.

– Хм, – кашлянул Беркут.

Варвара, а это была она, резко отпрянула. Увидев Беркута, выдохнула с облегчением.

– Вы меня напугали, – сказала она строго.

– Вы меня тоже. Что вы здесь делаете?

– Глупый вопрос. Вы что, никогда не вставали к холодильнику ночью?

– За йогуртом полезли? – спросил он.

– Еще чего. За йогуртом лезут утром, чтобы загладить чувство вины и начать новую жизнь. Ночью в холодильник лезут за колбасой, – пояснила Варвара. – На вашу долю брать?

– Берите, – кивнул Беркут и пошел одеваться.

Варвара зажгла свечу и поставила чайник.

Потом они пили чай с вареньем и ели бутерброды с колбасой. Варвара рассказала ему, что когда начали рушиться стеллажи, она залезла под стол и хотела молиться, но не знала как.

Когда спасатели вытащили ее из-под развалин и что-то говорили ей, она не слышала слов. Сначала в ушах был только ровный гул, а потом тишина. Варвара испугалась, что никогда больше не будет слышать, но потом взяла себя в руки и начала планировать, как будет решать эту проблему.

Надо выучить язык жестов и научиться читать по губам, думала она. И еще можно будет писать записки. Пишет она быстро, правда, почерк у нее ужасный, и ее не поймут. Надо записаться на курсы каллиграфии. Впрочем, как она поймет, что ей говорят на курсах, она же ничего не слышит. Значит, сначала нужно научиться читать по губам...

Она говорила быстро, перескакивая с одного на другое. Потом снова возвращалась к взрыву и своим страхам, как будто извиняясь за них.

Беркут не перебивал ее. Он кивал, подливал чая, подкладывал варенья и слушал, слушал, слушал. Он много видел людей с посттравматическим синдромом, и сейчас перед ним сидел именно такой человек.

Варвара то хорохорилась, посмеиваясь над собой, то скатывалась в самый низ бездонного колодца ужаса: сейчас все рухнет, и меня больше не будет.

Беркут принялся рассказывать смешные истории из жизни и работы и не заметил, как стал рассказывать о себе.

Его жена долго болела, и это страшно, когда болезнь выедает любимого человека изнутри и остается лишь оболочка. Он загружал себя работой, чтобы возвращаться домой позже и видеть ее спящей. Он ничего не мог поделать, не мог помочь, и страдал от своего бессилия.

Три месяца назад все было кончено. Дом опустел. Его дочь переехала жить в школу-интернат, куда ее устроили родители жены, профессора московских вузов. Они же платили за ее обучение. Дочери было шестнадцать, и она проводила больше времени с ними, чем с отцом.

Он все понимал и соглашался, что так будет лучше. Они могут дать ей то, что обычному оперу не под силу. Но сколько же боли было в его тихом голосе. Одна потеря за другой. Всего год назад у него была семья. Сейчас он остался один в пустой квартире. Он с головой уходил в работу, потому что ему было некуда возвращаться.

Они допили чай, вымыли чашки и разошлись по своим комнатам, погасив свечу и пожелав друг другу спокойной ночи. Укладываясь обратно на диван, Беркут подумал, как много мрака может развеять одна маленькая свеча.

Глава 5

На следующее утро Беркут позвонил Елисееву, чтобы сообщить, что у него есть информация по делу и заодно взглянуть на видео с камер наблюдения.

Одна из них висела на перекрестке. Вторая показывала улицу, кафе и вход в книжный магазин. С нее они и начали просмотр.

Елисеев промотал вперед до момента, когда девушка в темном платье подошла к двери.

– В списке сотрудников издательства у нас четыре женщины. – Елисеев достал телефон, на экране которого высветилось фото со списком. – Амалия Величковская, 25 лет, вчера была в отпуске. Так что это не она. Также не похожа на Валентину Павлову, бухгалтера, 54 года. Остаются Анна Мельникова, 22, администратор, и Алиса Феденко, 28, главный редактор.

– Точно не Алиса. По словам свидетельницы, у той в руках был портфель, – сказал Беркут.

– Симпатичная?

– Кто?

– Свидетельница.

– Обычная. И потом, Елисеев, я на работе.

– Где еще нам находить женщин, если не на работе?

– Давай дальше, – ткнул в экран Беркут.

Вторым шел грузный мужчина, опознанный как заместитель главного редактора Владлен Шумский. На сайте издательства была его фотография десятилетней давности, на которой он задумчиво подпирал рукой подбородок.

Следующим шел тот самый парень, который все еще лежал в палате интенсивной терапии. На спине у него был небольшой плоский рюкзак. Парень подошел к двери, остановился, взглянул на кафе напротив, как если бы пытался рассмотреть кого-то через улицу, после чего вошел внутрь.

Через несколько минут из кафе вышла девушка, опознанная по фотографии на сайте как старший редактор Алиса Феденко. В руках она несла грубоватый мужской портфель, который только подчеркивал ее хрупкость.

К Алисе подошла Варвара Гаранина, и они обменялись приветствиями. Обе были скованы, как это бывает при встрече малознакомых людей. После короткой беседы обе немного расслабились.

– Алиса ей что-то дает, – прокомментировал Елисеев.

– Скидочную карту в магазин, – пояснил Беркут. – Варвара хотела купить альбом Моне в подарок бабушке.

– Надо же, какие подробности. Может, ты и с бабушкой познакомился?

Беркут не стал рассказывать Елисееву, что он не только поужинал в их доме, но и остался ночевать.

Девушки на экране расстались. Варвара пошла в магазин, а Алиса в издательство.

Последним на экране появился мужчина среднего роста, лет сорока, одетый в стиле «безденежная богема». Выйдя из кафе, он торопливо пересек дорогу. Подойдя к входной двери, он резко рванул ее на себя и прошел внутрь.

– Узнали, кто это? – спросил Беркут.

– В базе данных его отпечатков нет, и в розыск его никто пока не заявлял.

Оба взяли паузу, чтобы обдумать увиденное.

– Он, похоже, нервничает, – прервал молчание Беркут, – но идет быстро, свободно машет руками. Если бы у него с собой была взрывчатка, он бы боялся сделать лишнее движение, чтобы не сдетонировало раньше времени.

– Согласен, – кивнул Елисеев. – Первая девушка с дамской сумкой и пакетом тоже отпадает. Сумка крохотная, пакет полупрозрачный.

– Парень с рюкзаком?

– Может быть. Только рюкзак у него маленький и плоский, разве что ноутбук поместится.

И, все же, пока исключать не будем.

– Остается Алиса Феденко с портфелем, – подытожил Беркут.

Елисеев откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на него.

– Ты ведь пришел испортить мне жизнь, Андрей?

– Зачем так грубо? Я пришел обменяться с тобой информацией.

– Зачем?

– Не зачем, а потому что у меня есть незаконченное дело с тем же персонажем, что и у тебя.

– Эрик Чернов?

– Он самый.

– Он у тебя в подозреваемых числится?

– Один из.

Елисеев недовольно крикнул, встал, потянулся, прошелся по кабинету и выглянул в окно.

Наступало обеденное время, и к супермаркету потянулись стайками сотрудники окрестных зданий. Ушли в прошлое судки с едой, которые приносили из дома. Теперь все предпочитают покупать готовое.

Елисеев проводил глазами группу смеющихся девушек с пластиковыми контейнерами в руках и вернулся к Беркуту.

– Эрик Чернов теперь очень большой и очень важный человек. У него такая служба безопасности, что к нему на кривой козе не подъехать. На оборонку работает.

– Пусть работает, – пожал плечами Беркут. – Если на него покушаются чужие спецслужбы, это твое дело. А вот если из-за него вторую девушку убили, то это уже мое. Я от него не отстану, пусть его хоть Кремлевский полк охраняет. Ты меня знаешь.

– К сожалению, – вздохнул Елисеев.

Ему все меньше и меньше нравилась эта история. За долгие годы он привык к тому, что взрывы в центре города – это либо вырвавшийся на свободу бытовой газ, либо сварочные работы с нарушением техники безопасности.

Елисеев был слишком молод, чтобы застать сведение счетов криминальных авторитетов при помощи начиненных взрывчаткой автомобилей. Об этом ему рассказывали преподаватели на лекциях и старшие коллеги на встречах. Елисеев слушал их с завистью, и ему казалось, что его работа будет вечно наполнена рутиной.

Стремительно развивающиеся события последних лет заставили его ностальгировать по той скуке.

Дело о покушении на знаменитость может отправить карьеру в стратосферу или сбросить ее в пропасть. Сначала Елисеев был рад его получить, но, чем больше он над ним работал, тем меньше оно ему нравилось.

Тут еще Беркут и его девица с альбомом. Моне ей, видишь ли, понадобился. Или Мане? Какой-то из них кувшинки рисовал, а второй... Леший их разберет, этих французов.

Девица, кстати, толковая, что редкость для свидетеля. Даже после сотрясения она довольно точно описала свою встречу с погибшей. Видео с камеры полностью подтверждает ее показания.

– Что тебе от меня нужно? – спросил Елисеев.

– Я хочу осмотреть место взрыва.

– Не возражаю.

– И мне нужно поговорить с Черновым.

– Телефон дать?

– Телефон не поможет. В прошлый раз мы не очень хорошо расстались.

– Ты обвинил его в убийстве?

– Не то, чтобы прямо в лицо. Скажи ему, что у нас совместное расследование, и что в его интересах... Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, что ты обвинишь его в двух убийствах, а мне с ним потом работать.

– Во-первых, для обвинений у меня нет ни мотива, ни доказательств. Во-вторых, если он действительно убил двух девушек, то с ним работать не тебе, а мне. Так что в твоих интересах, чтобы я доказательства нашел.

– Тогда мы переквалифицируем дело с терроризма на обычную уголовку. Им займешься ты, а я поеду на дачу на целых три дня. – Елисеев расплылся в улыбке. – Идея мне нравится.

– Будем считать, что договорились.

– Будем. Не хочешь пообедать? У нас в столовой шикарный борщ и ломовые котлеты.

После обеда Беркут поехал на место преступления, где все еще работала следственная бригада. Надев бахилы, он проследовал вслед за экспертом по тропинке, проложенной между обломками стен. Когда они достигли кабинета, эксперт попросил Беркута остаться за порогом, а сам прошел внутрь.

– Первое тело лежало здесь. – Он показал на место у стола. – Мужчина лет шестидесяти.

– Шумский, заместитель главного редактора, – определил Беркут.

– Две молодые женщины стояли близко друг к другу у противоположной стены. Так рядом и легли.

– Алиса, старший редактор, и Анна, администратор.

– Мужчина лет сорока лежал в центре комнаты головой по направлению к двери, – продолжил эксперт. – Тот, что выжил, стоял в коридоре прямо за стеной. Она, в конечном итоге, его и спасла. Здание построено в начале прошлого века, стены толстые. Если бы дело было в современном офисе, лежал бы он со всеми вместе в морге, – заключил эксперт.

– Эпицентр взрыва обнаружили? – спросил Беркут.

– По предварительному заключению, бомба взорвалась на расстоянии примерно метр-метр двадцать от пола.

– Что-то лежало на столе, а потом взорвалось, – сказал Беркут. – Мы с Елисеевым посмотрели видео с камеры наблюдения на улице. Парень в куртке шел с черным рюкзаком.

– Это тот, что остался жив? Обрывки его рюкзака мы нашли в углу. Внутри, судя по всему, был ноутбук. Расплавился, конечно. Пластик, что с него взять.

– Получается, что взрывчатка была в портфеле Алисы Феденко.

– Похоже, что так. Остались несколько обгоревших кусков коричневой кожи. Они сейчас на экспертизе.

Беркут поблагодарил эксперта. Он бы с удовольствием пожал тому руку, но она была в резиновой перчатке. Эксперт проводил Беркута до выхода и, когда тот снимал бахилы, заметил.

– Вы знаете, что в кармане у выжившего парня лежал пистолет.

– Пистолет? – оживился Беркут. – Из него стреляли?

– Если бы не было взрыва, я бы вам ответил на этот вопрос прямо сейчас, – сказал эксперт. – А так только после баллистической экспертизы.

Еще раз поблагодарив за помощь, Беркут направился в институт Склифосовского, где лежал выживший после вчерашнего взрыва парень. Андрей надеялся, что врач разрешит хотя бы недолго поговорить с ним.

Беркут привычно прошел через приемный покой, где дежурила другая сестра. Она придирчиво осмотрела его удостоверение, настояла, чтобы он накинул сверху халат и объяснила, как добраться до реанимации.

Впереди по коридору шел седоволосый мужчина, сколиозная спина которого была ему странным образом знакома. Беркут подумал, что если мужчина потрет на ходу коротко стриженный затылок, то наверняка это будет следователь Ивановский. Через два шага человек впереди поднял руку к голове.

– Геннадий Янович, – позвал его Андрей.

Человек обернулся.

– Беркут? – Он подождал, пока Беркут поравняется, чтобы пожать ему руку. – Какими судьбами?

– По делу, а вы как?

– Я, вместо того, чтобы как полагается нормальному следователю в кабинете сидеть и бумажки строчить, вынужден по городу бегать. Потому как их величества опера заняты более важными делами.

– Быть того не может. Кто посмел побеспокоить мудрейшего из мудрейших? Назовите имя, и этому недостойному сыну шакала недолго останется щурить глаза от солнца.

– Ладно, если честно, я сам вызвался, – примирительно сказал Ивановский. – Мне по пути.

– Нехорошо, о мудрейший, возводить поклеп на моих янычаров. Они хоть и ума небольшого, но бегают резво.

– Про небольшой ум – это ты хорошо заметил. Сам-то как здесь?

– Погибшая при вчерашнем взрыве девушка была связана с Эриком Черновым.

Ивановский остановился и поднял на Беркута свои маленькие, близко посаженные глаза, в которых не было ничего, кроме усталости.

– Давай подробности, – вздохнул он.

Беркут коротко изложил результаты расследования.

– Перепутали портфели, говоришь? – прищурился Ивановский. – Думаешь, все-таки Чернова хотели убить?

– Пока это самая вероятная версия.

– За что его, как думаешь? – продолжал выпытывать Ивановский.

– В сфере безопасности миллиарды долларов крутятся. Если убрать Чернова, это может уполовинить стоимость его компании.

– Даже так? – искренне удивился следователь.

– В таких делах очень многое завязано на личностях. Про Стива Джобса, Илона Маска, Павла Дурова слышали?

– Само собой, не в деревне живем.

– Вот, говорят, он такой же, только молодой.

– И борзый, рядом с которым уже два трупа, – вздохнул Ивановский. – Мне еще первое дело уйму крови испортило. Свидетели есть?

– Девушка одна в торговом зале была во время взрыва.

– Ох ты, невезучая, – покачал головой Ивановский. – Сильно ее?

– Обошлось, под стол успела заползти. Только синяки и ссадины и еще легкое сотрясение.

– Она тоже здесь лежит?

– Нет, уже дома. Как насчет того парня, который выжил. Я, собственно, к нему. Слышал, он пришел в себя.

– Буквально на несколько минут и снова отключился.

Мимо них прошли две медсестры в облегающих халатиках. Оба посмотрели им вслед: Беркут с интересом, Ивановский по привычке.

– С чего вдруг вы этим делом занимаетесь? – поинтересовался Беркут. – Елисеев сказал, что ФСБ его себе забрали.

– Ты Елисеева больше слушай. На словах он забрал, а на деле запрос не прислал и не собирается. Конечно, если найдем чего, он себе прибрать не забудет.

– Что про выжившего парня известно?

Ивановский остановился и начал листать блокнот.

– Евгений Рыбкин, родом из Саратова, – читал он свои записи. – Приехал в Москву полтора года назад. Хочет стать писателем. Живет у тетки, Елены Александровны Рыбкиной. Подрабатывает в супермаркете рядом с домом и еще дворником. У тетки сын-аутист, так с ним тоже помогает.

– Звучит, как житие святого, – резюмировал Беркут.

– Не совсем. Отпечатки его у нас в системе.

– Сидел?

– Нет, условно дали. Драка, три года назад. Дал по голове какому-то местному мажору. Говорят, что мажор долго нарывался, но у него папа, связи, сам понимаешь. Тетка его Рыбкина скоро приехать должна. Пока сын в школе, с работы отпросилась. По телефону она плакала по нему, как по убитому. Я говорю, погодите, может, выкарабкается. Организм молодой, сильный.

– Как у него пистолет в кармане оказался? – допытывался Беркут.

– Спрашивал. Тетка говорит, что оружия никогда в доме не было. Пистолет старый, давно не чищенный, не заряжен. Больше похож на антиквариат, чем на боевое оружие.

– Значит, глухо?

– Есть одна ниточка. – Ивановский хитро посмотрел на Беркута. – Завтра часам к пяти твои янычары обещали барыгу одного подогнать, что таким старьем промышляет.

– Так я завтра позвоню? – спросил Беркут. – У меня тоже новости будут. Обменяемся.

– Позвони.

– Может мне лучше самому с барыгой поговорить, – размышлял Беркут.

– Знаю я твои разговоры, – строго сказал Ивановский. – Ты себя сначала в руках держать научись.

– Это вы сейчас о чем? – спросил Беркут. – О тех трех делах, которые меня просили на тормозах спустить?

– И спустил бы, невелика потеря. Начальству виднее. Тебе из своего окна только улица видна, а у них картина шире. Взять хоть этого мелкого наркодилера Шулиани...

– Он школьницу изнасиловал.

– Та школьница напилась и сама на него вешалась, – махнул рукой Ивановский. – Шестнадцать ей уже. Думать своей головой пора.

– У меня дочери столько же, – тихо, но жестко сказал Беркут. – Нет у них мозгов в шестнадцать. У вас разве были?

– Ты наше поколение с ними не сравнивай, – завелся Ивановский. – Мы на огородах родительских все время проводили. В школьных мастерских работали. Отцы наши в семнадцать лет на фронт сбегали. У нынешних только и заботы что надеть, да какой телефон купить.

– У моей дочери забота, как задачку по химии решить.

– Она у тебя такая одна на тысячу. И вообще, ты, Андрей, все через себя пропускаешь. Вредно это. Шулиани, кстати, сдал всех, кому он деньги отстегивал. Там такая крупная рыба пошла, успевай только сачок подставлять. Опять же показатели раскрываемости вверх.

– Девочке этой скажите. Она порадуется вашим показателям.

Ивановский хотел возразить, но только махнул рукой и пошел по коридору. Глядя на его удаляющуюся фигуру, Беркут отметил, что костюм на нем старый, потертый, ботинки разношены до расхлябанности. Весь он был помятый, неухоженный.

Год назад жена Ивановского погибла при ограблении банка. Она зашла днем в отделение рядом с домом, чтобы оплатить коммунальные услуги. Четверо грабителей расстреляли заложников, после чего сами были убиты при штурме.

Андрей помнил его жену. Она несколько раз заходила в отдел. Трудно было представить более непохожих людей: дотошный зануда Ивановский и маленькая, вечно смеющаяся Ася.

Они познакомились в походе, еще когда были студентами. С тех пор каждый год в свой отпуск чета Ивановских ходила то в горы, то в долины.

Только однажды, соблазненные всеобщими рассказами о шикарных отелях на дальних берегах, они поехали куда-то, где было все включено. После чего по обоюдному согласию вернулись к походам.

Беркут смотрел на удаляющуюся сутулую спину Ивановского и жалел о своих резких словах.

Глава 6

Бизнес-центр, в котором располагалась компания EC Solutions, был царством стекла и бетона снаружи и красочной детской площадкой внутри.

Здесь были комнаты с расслабляющими креслами, огромные экраны, еда, кофе машины последнего поколения, столы для настольного тенниса и бильярда. Все это производило внушительное впечатление на тех, кто был здесь впервые.

Если вы, привлеченные яркостью картинки, приходили сюда работать, то вскоре выясняли, что игровые столы почти всегда пустовали. Уютные столовые, где персонал должен был обедать и общаться, использовались редко.

Вся жизнь проходила за рабочими столами. Люди, сидящие в соседних комнатах, не видели друг друга месяцами и общались исключительно в рабочем чате. Обитатели других этажей были незнакомцами, которых видели раз в год на общем собрании или новогоднем корпоративе.

Вы голодны? Просто откройте холодильник, чтобы взять еду.

Скучно? Попробуйте новые игры и пройдите путь бессмертного героя. Вы играете в видеоигры на работе. Пусть ваши друзья вам завидуют.

Ваш рабочий график именуется гибким? Это означает, что за сверхурочную работу вам не заплатят, потому что это не работа, это фан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.